

БАРМЕН ИЗ

ШЕРЕМЕТЬЕВО

ИСТОРИЯ
ОДНОГО
ПОБЕГА

АЛЕКСАНДР КУПРИН

Александр Куприн

**Бармен из Шереметьево.
История одного побега**

«Издательские решения»

Куприн А.

Бармен из Шереметьево. История одного побега / А. Куприн —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962700-1

Москва 1981 года. Валютный бар в зоне вылета Шереметьево-2.
Бармен убивает в подсобке туалета пьяного гражданина ФРГ чтобы,
воспользовавшись его билетом, пройти на посадку и бежать из СССР.
Острый сюжет, яркие образы сочетаются в этой книге с детальным описанием
специфики и методов работы советских спецслужб. Автор — бывший
сотрудник угрозыска, с глубоким знанием материала рассказывает о жизни
героев того времени — от валютных проституток до генералов КГБ. Книга
содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-962700-1

© Куприн А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Бармен из Шереметьево	7
Димка	10
ПГУ и ВГУ	13
Племянник и дядя	16
Мартин	20
Свердловск закрытый город	24
Золотой век	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Бармен из Шереметьево История одного побега

Александр Куприн

Дизайнер обложки Денис Лопатин

© Александр Куприн, 2019

© Денис Лопатин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2700-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Помню как об этом шептались в пост-олимпийской Москве. Разговоры, правда, или о бегстве самого бармена. Деталей, безусловно, никто не знал и с каждым пересказом этот побег обрастал новыми невероятными подробностями. Всё было прекрасно в этой чисто русской истории: и сказочная бесшабашность поступка, и везение, и даже алкоголь – куда ж без него? ...Но шла война в Афганистане, активно гнил социализм: наступали перебои с продуктами, кое-где уже вводилась карточная система и люди в паутине своих проблем довольно быстро забыли этот небольшой, но яркий эпизод. Вам, дорогие читатели, напоминает о нем мой хороший друг Александр Куприн – бывший оперативник угрозыска из Свердловска, в 1988м году сумевший бежать на Запад. Повесть эта, хоть и художественная, населена персонажами, с многими из которых автор пересекался в жизни. Ярко и интересно показана рутинная деятельность советских спецслужб в доперестроечный период. Не могу не упомянуть ещё один аспект, хоть прозвучит он несколько иронично – всё возвращается на круги своя и сегодня численность спецслужб России выше, чем она была на весь СССР в далёком 1981м году. Идут разговоры о введении выездных виз, как это было раньше. Так что актуальность этой книги в ближайшие годы будет лишь возрастать.»

(К.Н.Боровой, политик)

Бармен из Шереметьево (История одного побега)

..Объявляется регистрация на рейс ...Выход на посадку у стойки номер... Объявляется...

- Вы мне не тот билет даёте – это обратный.
- Ой, извините
- Постойте. Так вы что – сейчас же обратно вылетаете?
- А разве нельзя?
- Я всё же не понимаю, вы что – даже в город не выйдете?
- Не выйду. Не хочу.

Контролёрша нажала кнопку-рычажок и за разговором на своем мониторе стал наблюдать сотрудник ФСБ. Пассажир, конечно, приятный и вежливый, и документы у него в порядке, но что это значит – погулять по Шереметьево без выхода в город? Долго и нудно заполнять анкеты в консульстве, предоставлять справки и фото для получения российской визы, купить билет бизнес класса и... погулять по аэропорту??

ФСБшник, глядя в монитор, прослушал конец разговора и негромко произнёс в микрофон:

– Девочки примите клиента с четвёртой. 56 лет, телосложение спортивное, куртка холщовая, оторочена кожей, светло-коричневые ботинки, волосы русые, густые – возможно парик.

Когда-то в зале выдачи багажа приходилось держать несколько сотрудников «семерки» и непременно обоих полов, чтобы при необходимости сопровождать объект и в туалет. Теперь же удалённое видеонаблюдение организовано так плотно, что «водить» клиента по территории стало не сложнее игры в компьютерную стрелялку, хотя и живая наружка тоже применяется.

В зале прибытия пассажир был принят операторами камер, доведен и передан на таможенный контроль, где его основательно досмотрели настоящие таможенные контролёры и фсбшники, работающие «под таможенным прикрытием», ничего не нашли и выпустили в город. Однако в Москву, как и обещал, странный пассажир не поехал, а начал бродить по зданию аэропорта, пристально вглядываясь в стеклянные двери, лестницы и проходы. Такое его поведение запустило целую государственную машину – за ним уже ходили оперативники службы наружного наблюдения, велась запись с камер, были срочно затребованы персональные данные из анкеты-обращения за визой. И только пожилой инженер-установщик, служивший когда-то давно в КГБ и поэтому имевший допуск к мониторам, угрюмо сказал:

- Он вспоминает. Вспоминает и сравнивает.
- Что вспоминает? С чем сравнивает?, – с некоторым раздражением спросила капитан ФСБ – старшая смены операторов, но бывший кгбшник уже отвернулся чтобы уйти. С возрастом он стал раздражительным и старался избегать ненужных конфронтаций.
- Что он вспоминает?, – не отстаёт начсмены.
- Строитель это. Скорее всего из «Рютебау».
- А это что такое?
- Фирма, которая строила аэропорт. Его немцы строили. Из ФРГ. Фирма «Рютебау».
- Хмм.. Не знала.

Вот ты ж курица, – подумал с грустью пенсионер, – в хорошие времена тебя, такую безмозглую, Женя дальше техника бы не продвинул. Но давным-давно нет Жени-начальника. Сгинул где-то в Афганистане ещё в восьмидесятых. Да и самому надо бы уже на покой – аритмия, да ещё мерцательная. Какое слово-то противное...

Человека на экранах мониторов он не узнал, хотя эти вот густые волосы кого-то отдаленно напоминали, кого-то из далекого прошлого.

А между тем, побродив полтора часа по аэропорту, пассажир направился к стойке регистрации, вновь, уже в обратном порядке, прошел таможенный и паспортный контроль и вот он уже медленно поднимается на второй этаж в зоне вылета.

Прямо здесь, где кончается лестница, когда-то был валютный бар, хорошо известный уходящей московской элите. Здесь наливались пивом из диковинных алюминиевых банок советские спортсмены, сосредоточенно жевали бутерброды с икрой дипломаты, тут заказывал зеленый чай поэт Евтушенко и холодную водочку Володя Высоцкий. Весь цвет, вся богема, все те, кого через много лет назовут глупым иностранным словом «селебрити» проходили у этой стойки.

– Весь «Голубой Огонёк», – смеялась белозубая барменша Анна Грачева.

Анька... Одиноким пассажир вдруг почувствовал слабость. В баре пусто – он выбрал столик с краю, сел и бросил сумку на соседний стул. К нему неспешно подошел выбритый до синевы, военного вида бармен. Он хотел сказать посетителю, что сейчас здесь технический перерыв, что стулья вовсе не предназначены для багажа и даже уже поднял палец чтобы указать на лежащую сумку Mulberry, но тут у клиента зазвонил телефон и тот стал вежливо и негромко что-то объяснять по-немецки, а бармену ничего не оставалось кроме как молча вернуться за стойку. Минут через пять посетитель закончил разговор и задумался, глаза его сканировали помещение пытаясь зацепиться за былое. Увы, зацепиться было не за что – это, конечно же, был уже совсем не тот бар. Исчезли изогнутые диваны, смешные, совсем не барного типа стулья у низкой и широкой стойки. Да и самой стойки больше нет – теперь это скорее ресторан.

Кольцо! Конечно же кольцо! Где она – эта дыра, оставшаяся от сбитого пробкой от шампанского «бронзового» кольца с потолка? Весь потолок аэропорта был сделан из этих колец – они лепились друг на друга и как бронзовые соты нависали над тысячами суесящихся пчел-пассажиров. Это было визитной карточкой Шереметьево – ни в каком другом аэропорту, да и, наверное, ни в каком другом здании страны не было такого. Но нет уже никаких колец – это теперь совсем другой потолок – где-то натянутый, где-то панельный.

Что же они тогда отмечали с Анькой на складе? И зачем он не позволил ей открыть бутылку? В его неопытных руках шампанское оглушительно хлопнуло, тяжелая пробка пулей унеслась вверх, да там и осталась. Онемев от ужаса, влюбленные смотрели как, медленно вращаясь, падает одно из миллионов этих самых колец. Оказалось оно вовсе не металлическим, а пластмассовым с бронзовым напылением. Насмерть перегуганные, они спешно заткнули чем-то бутылку, и помчались прочь, на выход, через КПП на автобус. Он потом долго разглядывал потолок, пытаясь найти глазами застрявшую пробку, пока дядя Влад, старший бармен-администратор, угрюмо не заметил:

– Они уже хорошо запомнили твое лицо. Хватит.

– Слушай, а если я этой пробкой какую-то их систему наблюдения повредил – не уволят меня?

– Обязательно уволят. Но только за то, о чем можно написать в приказе – например пачка Dunhill в твоём кармане после смены.

Димка тогда промолчал и задумался. Он ещё не понимал – как эта пачка может очутиться у него в кармане, если он никогда ничего не крал и даже не курил? И почему его должны досмотреть именно в этот день?

Да – потолок аэропорта сделан из колец чтобы маскировать объективы камер наблюдения – это была дежурная шутка всех работников Шереметьево-2 в те годы. Да и пассажиры, надо полагать, думали точно так же.

– Es tut mir leid, geht es Ihnen gut?¹, – прикоснувшись к плечу посетителя, с неподдельной тревогой спросил бармен и поставил перед ним стакан с холодной водой.

– Ой, простите ради Бога, – ответил тот по-русски, – голова закружилась. Могу я посидеть тут еще пару минут?

– Да сколько угодно, что вы. Позовите меня, если станет плохо, – я вон там с бумагами буду.

Ох, эти бумаги... Акт передачи смены, товарный отчет, требование на склад и что-то ещё и, наконец, важнейшее – отчет о полученной валюте. Ошибка в любом документе могла стоить работы. В то же время, если хорошо и правдоподобно подогнать цифры, можно было за смену только на отчетах вывести в карман до сотни рублей.

– Работа с бумагами – это творческая работа, – повторяла Анька чью-то фразу, – отнесись к ней с душой и прилипнет сладкий столик! Она складывала из сторублевки маленький самолетик и, держа его над головой, шла-летела с ним в подсобку.

– Ведь вы не откажетесь пойти сегодня с дамой в «Метелицу»? – и прижимала его грудью к ящикам с минералкой, а в глазах её блестели мириады огоньков-смешинков.

Подняв голову от бумаг, бармен смотрит на своего единственного посетителя. По-детски подперев лицо двумя кулаками пассажир глядит куда-то вдаль, в глубину ушедших лет и бармену даже померещилось что по щеке гостя бежит слеза.

– Нет – нет, не нужно в медпункт. Да вот уже и посадку объявили. Спасибо Вам. Спасибо...

Разговаривая по телефону уже по-английски, гость подхватил полупустую сумку и отправился на посадку. Станный пассажир.

¹ Извините, у Вас всё в порядке?

Димка

По-детски подперев лицо двумя кулаками, сквозь мутное стекло плацкартного вагона, Димка рассматривает заплеванный перрон. Не сказать чтоб это было уж такое захватывающее зрелище, но так положено – пассажир должен смотреть в окно. Закутанные в одинаковые телогрейки и серые шали, шарообразные толстые бабки, а может и не бабки вовсе, а вполне себе молодые женщины – понять это невозможно, бойко торгуют нехитрой снедью: семечки, пирожки с картофелем или капустой, беляши... Беляши, конечно, следует взять в кавычки – мяса там никакого нету: Димка выяснил это отравившись ими ещё в Хабаровске. Сероватая масса имеет привкус настоящего мяса, но что там такое – доподлинно неизвестно. Говорят – смесь субпродуктов с соей. Еще говорят – из бродячих собак. В любом случае в дороге беляши лучше избегать – два дня молодой организм извергал жидкость.

– Ну ты, Дима сегодня Первый на Горшке!, – дразнил его веселый зэк, досрочно откинувшийся по болезни. К счастью это прозвище не прижилось и до конца путешествия Димка остался Димкой. Зэк этот по слабости почти не покидает полку.

– Вот. Еду домой становиться на путь исправления, – горьковато шутит он, – так в Справке написано.

Народ в вагоне тёртый и все знают, что речь идет о «Справке об Освобождении», а не о медицинском документе, но шутить никто не решается – уж очень тема невеселая. Видно по блеску запавших глаз, что отпустили его помирать. Понимал ли это он сам – неизвестно, но шутки его были беззлобные, хорошие такие шутки. Вокруг всегда сидели несколько попутчиков и периодически слышался хохот. Сидел и Димка, пока однажды проводница не позвала его пальцем в свою купе-камерку.

– Зачем ты трёшься там, пацан. Ведь у него наверняка тубик.

– Чего это – тубик?

– Туберкулёз, красавец!

– А он говорит – желудок...

– Ну как знаешь, доктор. Иди отсюда.

Вот же надо было говорить с этим придурком, – пожалела она про себя, – ещё и разнесет по вагону что я ему тут сказала. Но Димка ничего не разнес. Только садиться стал в отдалении – чуть подальше...

На перроне под блёкло светящимися буквами «Свердловск-Пассажирский» Дима купил у круглых тёток горячую картошку в куле из газеты и два дряблых соленых огурца. Ножиком он аккуратно срезал с картофеля отпечатавшуюся газетную типографскую краску и без аппетита поужинал. Краска на газете была черная, а на картошке отпечатывалась почему-то синим. Он надолго задумался. Но вовсе не над этим феноменом газетных цветов. Жизнь, как писали в старых романах, дала трещину и нужно было как-то с этим справиться, что-то изменить, сделать поворот.

Дима – парень замкнутый, любит больше послушать других, но дорога... Дорога развязывает языки лучше любого следователя:

– А потерпел пару годков – плавал бы на ледоколе «Ленин» и кормил с палубы пингвинов.

– Каких пингвинов? Откуда в Арктике пингины?, – искренне изумляется Димка

– Как нету? Куда они делись? Я в телевизоре видел, – вмешивается в разговор кто-то невидимый с боковой полки, – но Дима не считает нужным отвечать на такую вопиющую глупость, даже головы не поворачивает, и повисает пауза.

– А что – трудно в эту Мореходку поступить?, – спрашивает зек. Просто для того чтобы разговор не заглох.

– Да не, я ж после армии. Легко приняли.

– Ну а чо бросил-то, Дим? Не потянул?

– Ну не моё это. Да и в армии казарма надоела...

– А что – твоё, знаешь? Ну хоть примерно? Да не отвечай. Мне и самому вон уже пора примерять деревянный костюм, а я даже близко не ведаю что было моё и как я его проебал... В Москве, говоришь, дядька у тебя?

Димка может и рад бы поболтать за жизнь со старым каторжанином, но без вот этого его вечного антуража из добровольных слушателей. С ними это сильно напоминает какое-то комсомольское собрание и Дима сворачивает разговор, идет к себе на полку и смотрит в засиженный мухами потолок. Нерадостные мысли бродят в его голове.

Да, есть у него дядька в Москве. Есть. И жуть как не хочется обращаться к нему за помощью, да вот отчего-то жизнь с весёлой лихостью обрубает Димке все пути-дороги и ведет его напрямик к Владу. К дяде, своему единственному родственнику, он относился настороженно. То есть, конечно же он его любил и уважал, но вот этот случай на проводах в армию...

Дядя Влад был директором кафе без названия и примыкавшему к нему магазина «Кулинария». Был он одинок и, возможно поэтому, очень заботился о своих немногочисленных родственниках – сестре и племяннике. Помогал продуктами, помогал деньгами. Помогал советами и протекцией. Работник общепита – солидный и уважаемый член советского социума. Каждый, абсолютно каждый, от инженера до прокурора, ищет знакомства с ним.

И, конечно же, организовать последний вечер на гражданке своего единственного племянника для Влада – сущая мелочь, пустяк.

Проводы отшумели, алкоголь закончился и Димкины друзья и соседи по Зеленоградской хрущевке начали потихоньку расходиться, как вдруг дворовой авторитет по кличке Шеф позвал Димку во двор на разговор. Дима пацан не конфликтный, бояться ему особо нечего и он спокойно вышел к гаражам не ожидая никакой подляны. Однако то, что ему пришлось услышать было хуже драки.

– Тут, Димон, такое дело... Походу, Влад твой – пидор.

– Как же так?, – возмутился Димка, – портвейн и водку, что он принес, ты пил и Влад был нормальный. Что случилось то?

Шеф смекнул, что разговор повернулся в невыгодном для него свете и замолчал. Заговорил Толян – он был постарше, уже отслужил, но на работу никуда не устроился и болтался целыми днями во дворе.

– Да ты не вкурил. Он – настоящий пидор. Пидорский.

До Димки стал доходить смысл происходящего и захотелось уйти в армию прямо сейчас, пешком, прямо отсюда – вот от этих гаражей и никогда в этот двор и в этот город не возвращаться. Толян, между тем, продолжал и с его слов выходило, что Влада пытался зарезать его новый приятель – эстонец. Обоих забрали в милицию, где эстонец рассказал что хотел убить Влада... из ревности. Охватить сознанием такое 18-тилетнему пацану было решительно невозможно и Димке стало физически плохо. Когда он наконец проблевался и перестала кружиться голова – вокруг уже никого не было.

В письмах от матери дядя регулярно передавал приветы, а когда она окончательно заболела и слегла – писал сам. В 1979 зимой Димку отпустили на похороны. Смерть матери он сразу не осознал – понимание того, что он теперь совсем один на свете, настигло его позднее, уже по возвращению в казарму. На поминках директор оборонного НИИ Точной Техники сказал, что хоть жильё и служебное, – он готов полгода держать квартиру матери, при условии, что Дмитрий по возвращению поступит на предприятие. Но солдат уже знал, что он никогда не вернется ни в этот двор, ни в этот город и уж тем более – на этот оборонный, закрытый НИИ. Он отрешенно разглядывал убитого горем дядю Влада и вскоре пришел к выводу что Толян врал: ведь и эстонца этого почему-то сразу отпустили – вон он за Владом стоит в смешной шапке с волчьим хвостом.

Через полгода тоска армейских казарм закончилась и рядовой Дмитрий Климов в небольшой компании таких же дембелей вышел за ворота части. Однако, вместо аляповато расшитой бисером формы, на нем была куртка-штормовка, вместо чемодана с тяжелым дембельским альбомом – полупустая спортивная сумка, где болталась нехитрая одежда, а на самом дне – военный билет, да документ от Министерства Обороны, называемый «Требование» и дающий советскому дембелю право на бесплатный железнодорожный билет в любую точку огромной страны. Пунктом назначения солдат выбрал далёкий город Владивосток.

ПГУ и ВГУ

Самое главное и самое престижное в КГБ конечно же Первое Главное Управление – ПГУ (разведка). Это – мечта молодых романтиков, по зову сердца стремящихся в Комитет. Многих из них, увы, ждут горькие разочарования – по возвращению из первой же ДЗК (длительной заграникомандировки) они с печалью обнаружат за собой «наружку», их телефоны будут прослушиваться, карьера остановится. Долгими часами, сжав голову руками, будет вспоминать оперативник – где и когда он мог дать повод к подозрениям? Кто из товарищей мог быть автором «сигнала»? Печаль, однако, в том, что никакого сигнала могло и не быть – человек вернулся из-за линии идеологического фронта и кто знает, кто знает...

Сотрудники же Второго Главного Управления – ВГУ (контрразведка) в заграникомандировки почти не отправляются и в этом плане их карьера, конечно же более предсказуема, жизнь, быт, да и служба попроще. От них, например, не требуется легендироваться по месту жительства – соседи и друзья могли знать, что такой-то служит в КГБ, а вот для каждого «пэгэушника» готовилась история прикрытия – как правило соседям он представлялся как инженер «номерного» завода, да много было и других заморочек. Абсолютное большинство сотрудников Первого ГУ КГБ СССР никогда в жизни не пользовались служебным удостоверением – для прохода в комплекс Ясенево применялся пластиковый пропуск без фото и без имени, а демонстрировать коричневые корочки с тремя тисненными буквами КГБ для проезда в метро никому не приходило в голову. Нет, как ни крути – служить в ВГУ предпочтительнее...

Старший оперуполномоченный Управления «Т» Второго Главного управления КГБ СССР майор Валов вышел из магазина Детский Мир. В правой руке он нёс портфель «дипломат», в левой же ловко как фокусник держал два эскимо. Щурясь на выглянувшем солнышке и поглядывая на часы, он одну за другой съел обе порции, бросил палочки в переполненную урну, перешел улицу и скрылся в здании номер 2 что по улице Дзержинского, бывшая Большая Лубянка. Здесь на четвертом этаже с окном на Внутреннюю тюрьму, где теперь расположилась столовая, находится его рабочий кабинет – но застать в нем Валова непросто. Гораздо чаще его можно видеть в одной из комнат без табличек в главном корпусе Шереметьево-2 что прямо за Депутатским Залом, в подвальном помещении аэропорта за стальной дверью с надписью «Гражданская оборона», где находилась электронная, видео и аудио аппаратура и посменно дежурили операторы, никакого, конечно же, отношения к ГО не имеющие, либо же просто в зале вылета, где он с отрешенным видом прохаживался, изображая пассажира. Часто он просто сидел в баре со своей обязательной двойной порцией мороженого. Конечно же, весь персонал знал кто он такой – никаким секретом это не являлось. Называли его между собой «наш куратор от КГБ» или просто «куратор». По сути именно зона вылета и была его местом работы, своего рода полем битвы – здесь, как шахматные фигуры на доске, размещались его доверенные лица и агенты, установлена и замаскирована спецтехника. Валов имел информаторов среди уборщиц, сотрудников «Аэрофлота», таможенников и пограничников.

Не то чтобы советский человек был от природы скрытен и молчалив, но, будучи пойманным на мелкой краже, взятке, аморалке или любом другом проступке, влекущем суд и увольнение, человек этот становился чрезвычайно разговорчив и вываливал горы подчас неожиданной и, как правило, не имеющей отношения к линии работы КГБ информации. Такой кандидат тщательно проверялся, у него отбиралась подписка с обязательством добровольно сотрудничать с органами, выбирался псевдоним, согласовывались график и порядок секретных встреч. Майор презирал «инициативников» – тех, кто добровольно напрашивался на разговор и приносил информацию. Таковых было огромное количество, да что говорить – все работники Шереметьево были не прочь стучать в КГБ, но Валов – опытный опер и понимает, что все эти добровольцы на самом деле хотят использовать его самого – майора Валова. Кто-то хочет через него

свести счеты, кто-то продвинуться по службе, кто-то наоборот – в ожидании будущих проблем хочет с ним завязаться для возможной отмазки. Майор некогда не отказывался послушать, но доверял в первую очередь своим проверенным агентам, завербованным на железной компре, обязанным ему и увязшим в своем стукачестве. В официальных документах это называется «агентурная сеть» и через эту сеть день и ночь шли потоки иностранцев – они выпивали, закусывали, покупали сувениры, догадываясь, конечно, что вот эта регистраторша, или вон та веселая барменша так или иначе имеют отношение к «кейджиби», но что делать – холодная война в разгаре и таковы правила игры. Сеть приносила огромный массив информации криминального характера или, как ее называли в КГБ «информации по милицеской линии» – всё это тщательно записывалось, но никогда в милицию не передавалось чтобы не допустить расшифровки источника. Сказать, что по этим данным вообще не проводилось никакой работы нельзя – чаще всего эта информация использовалась для вербовки новой агентуры.

Иностранцы в чистом виде Валова почти не интересовали – это прерогатива и головная боль престижного Первого Главного Управления КГБ СССР, а интересовали его советские граждане, активно ищущие контактов с иностранцами – вот за такую наводку информатор мог получить денежную премию, отмазку от любых неприятностей, а в некоторых случаях и государственную награду. Вручались такие награды секретным указом Президиума Верховного Совета СССР, носить их было нельзя и даже похвастаться перед соседями родственниками было невозможно... впрочем у Валова таких орденосцев на связи никогда не было.

А были люди всё больше простые, попавшие в разное время в жизненные передрыги и передрыги эти, будучи описанными в агентурных сообщениях других подобных людей, легли на стол майора. Вот и сейчас на его столе лежат два дела – одно тоненькое с надписью «Личное», а второе – толстое, на обложке написано «Рабочее» – дело оперативной переписки, и жирным фломастером в скобках – Агент «Ларин». Валов ещё раз взглянул на часы, сложил обе папки надписями друг к другу и отправился к начальнику. Начальник Управления «Т» (контрразведовательные операции на объектах транспорта) сидел на третьем этаже в просторном и светлом кабинете, куда когда-то пришел из аппарата ЦК КПСС во время кампании по «усилению органов». Валова он ценил, как лучшего опера, но, не имея на него весомой компры, несколько опасался. Вообще-то они не должны были встречаться по службе – у майора был непосредственный начальник, но он только что ушел в отпуск, оставив за себя Валова. Выслушав подчиненного, генерал погрузился в чтение «Личного дела».

Майор пришел со странной просьбой – разрешить прием на работу в качестве грузчика родного племянника агента «Ларин». Этот «Ларин» работает барменом в зоне вылета Шереметьево-2 и буквально умоляет не препятствовать трудоустройству племянша – все документы в «Интуристе» он провел сам, пользуясь своими обширными связями – осталось лишь получить «добро» от Комитета.

– Я что-то не очень понимаю зачем ему нужен на работе родственник. И еще меньше понимаю – зачем это нужно нам?, – с сильным ударением на последнем слове спросил генерал.

– Тут нет ничего нелогичного, – спокойно отвечал майор, – в баре не проходит ни одной пересменки без недостат. Обычно грузчики воруют пиво и сигареты. Пиво выпивают, раскалывают пустую бутылку, чтоб списать её в бой, а фирменные сигареты просто выкуривают в подсобке. Бывает откручивают коньячные крышки на два оборота, и высасывают по десять-двадцать грамм, чтобы сразу не было заметно. Сейчас у них грузчика нет, все сменные бармены приходят на час раньше и возят товар на тележках сами – жалуются, но это лучше недостат. Непьющий грузчик, к тому же родственник старшего бармена-администратора, очень им нужен.

– Ну хорошо, а нашему ведомству какой прок от непьющего грузчика?, – вновь делая ударение на слове «нашему», спросил начальник.

– Никакого. Но «Ларин» не был никак поощрен за ту перламутровую икону.

– Цесаревича Алексея?, – оживился генерал.

– Ну да. Все же случилось прямо у него в баре..

– Так ведь вся слава смежникам ушла! За это бы его наказать надо!, – воскликнул начальник и заразительно расхохотался. Это была громкая история с женой африканского дипломата, пытавшейся на подвязках между ног вывезти старинную икону и чуть не задушившей опера Шубина из Десятого отдела ВГУ КГБ СССР (борьба с контрабандой) его же собственным галстуком. Тогда наградили многих из «десятки», негритьянку выдворили, а Саша Шубин стал начальником отделения.

– Ну я же не могу говорить агенту, что контрабанда не наш профиль, что Управление «Т» и «Десятка» не одно и то же.

– Это – да! Это безусловно, – сразу согласился шеф, – но может его деньгами поощрить?

– Вы, очевидно, не понимаете сколько они там имеют, – медленно и довольно грубо отвечал Валов, глядя почему-то в окно, и глаза его, сузившись, налились ненавистью, – так я вам скажу: до трёхсот рублей в день! В день! А за Олимпиаду этот пидарас отбил себе однокомнатный кооператив!

Начальник, пораженный такой тональностью, хотел поставить опера на место, но тот продолжал, не замечая:

– Бармен чаевыми в рублях и валюте за пятидневку получает больше чем мы с вами вместе за месяц! Это они нас с вами могут деньгами поощрить, – и, заметив как генерал изменился в лице, резко замолк.

– Ну ты давай эмоции-то попридержи и объясни – от меня-то ты чего хочешь? Зачем ты ко мне пришёл? Ты ведь и сам можешь этого племянника легко провести.

– Не могу. Они близкие родственники. В приказе сказано «в особых случаях».

– В каком приказе?, – машинально спросил бывший партиец и сразу пожалел.

– Два ноля шестидесятом, – с удивлением ответил майор. «Ах ты ж, сука!», – расстроился генерал и, чтобы сбить тему, спросил:

– А он что – в самом деле педераст?

– Да. Завербован в 1977м на инциденте с гомосексуальным партнером – выдернули из дежурной части Зеленоградского ОВД. Ревность. Драка. Непроницающее ножевое ранение.

– Что-то не нравится мне ваше отношение к источникам, – официальным тоном заговорил бывший инструктор ЦК, – Откуда столько ненависти? Почему вы с таким раздражением говорите о собственном агенте, который не первый год у вас на связи? Да – подчас они имеют немалые деньги, да – их не поднимают по тревоге, они живут материально в чем-то лучше нас, но скажи честно – ты бы поменялся местами с этим «Лариным»?

И опять партработник понял, что сморозил не то: ведь агент – гомосексуалист. Эх – да что за день такой...

– Ну давай рапорт. И написал в левом углу – «Согласен».

Племянник и дядя

– Ну, вроде всё утряс, – сказал Влад, – в пятницу выходишь на работу. Бешено заколотилось Димкино сердце – слишком уж невероятной казалась ему удача. Четвертый месяц он жил в дядиной новенькой кооперативной квартире на Ленинградке и жил, по его собственным представлениям, вовсе даже неплохо. Квартира, хоть и однокомнатная, оказалась очень немалой, с большой лоджией и огромной кухней. На этой самой кухне у Влада стоял сделанный под заказ угловой диван. Одна сторона этого дивана была широкой, а вторая поуже. Вот на этой широкой стороне и спал Димка, спрятав шмотки свои в большие выдвижные ящики. Влад дома бывал редко, а когда бывал – обычно крутил диски на своей многотысячной супер аппаратуре, да читал журналы на английском, которыми он с кем-то обменивался.

Закончив с отличием МИНХ им. Плеханова, Влад довольно быстро начал продвигаться вверх по служебной лестнице, но вдруг заскучал и попросил перевода из Мособлпищепрома директором в небольшое кафе в Измайлово. С некоторым недоумением просьбу удовлетворили и наступило прекрасное время свободы и хороших денег.

В совершенстве зная отчетную часть, Влад вечерами после закрытия переделывал практически все бумаги. Старенькая бухгалтерша Нина Ивановна давно просилась на пенсию, жалуюсь на ухудшающееся зрение, но вместо пенсии новый директор стал платить ей ежеквартальную премию и освободил от половины расчетов, взяв их на себя. Старушка не могла поверить такому счастью, а предприятие довольно скоро стало работать почти как частное – наверх уходили аккуратные отчеты и выручка, чуть выше той, что сдавал предыдущий директор. Значительная же часть оставалась Владу. Кафе давало совсем немного, может лишь десятую часть от оборота кулинарии, но, сдавая его под свадьбы и юбилеи нужным людям, молодой директор обрастал знакомствами. Кулинария же предоставляла огромный простор для заработка. Хорошие деньги приносили, например, кости. Влад получал от мясокомбината по два ПАЗика костей в неделю. В эти дни он привозил в кафе племянника Димку в помощь грузчику Степанычу и те вдвоем специальными кривыми ножами срезали с костей хрящи и остаточное мясо, которые шли в кулинарию для изготовления пирожков и пельменей, которых и в преискуранте-то не было, а голые кости развешивались в кульки – из под ценника с надписью «суповой набор» их живо разбирали неискушенные советские инженеры и служащие. Были и многие другие, относительно безопасные схемы, впрочем, всё это пришлось оставить ради валютного бара в Шереметьево.

Неожиданному приезду племянника Влад очень обрадовался, и не столько потому, что это был единственный его родственник на всем белом свете, а скорее оттого, что жизнь Влада в этом 1981м году как-то застопорилась. Проблемы начались ещё два года назад – периоды тяжелых депрессий сменялись подъёмом, но бурный 80й с его Олимпиадой и переходом на работу в Шереметьево как-то на время выровняли психику. Отношения с Юргенсом, хоть и продолжались, но стали носить монотонный характер, быт был устроен, перемен на работе ждать тоже не приходилось и, когда почта принесла письмо из далекого Владивостока, Влад ожил и стал с нетерпением ждать племянша. Племянник Дима был не только единственной родной душой, но и довольно интересным, во многом необычным человеком.

С детского сада и до седьмого класса школы Димка точно знал свое будущее. Он будет путешественником! Его смешили разговоры сверстников о профессии космонавта или военного – ведь друзьям-мечтателям ничего о космонавтике или военном деле не было известно, а Дима о деле своей будущей жизни знал всё. Знал досконально. Ничего специально не заучивая, он легко мог назвать столицы всех государств. Он знал с какими странами граничит, например, Парагвай и легко мог найти на карте город со смешным именем Папезте. Не было никакой проблемы уложить маленького Диму в кровать – он просто закрывал глаза и перед ним

появлялся огромный медленно вращающийся глобус с рельефом гор и синими океанами. Оставалось только взглянуть, да хоть в южную оконечность Чили, приблизить ее, и вот в лицо Димке летят соленые брызги мыса Горн, в воздухе стоит крик тысяч чаек и пацан засыпает, улыбаясь. Однако, примерно в седьмом-восьмом классе он начал осознавать всю катастрофичность своего положения – положения советского школьника. Первой утопичность его жизненных планов попыталась разъяснить мать, но это оказалось непросто, как вообще непросто отнять у человека мечту, и Димка обиделся не на систему, а на свою одинокую тяжело работающую маму. Ему казалось, что будь она, например, секретарем обкома партии, то он вполне смог бы стать путешественником. Вон Юля из параллельного класса съездила с родителями в Болгарию, а у нее папа лишь комсомольский, даже не партийный работник! Ближе к окончанию школы пришло и сформировалось уже ясное и полное понимание ситуации, но при этом мечты детские никуда не исчезли – десятиклассник Дима точно так же хотел видеть мир. География и красоты родины его почему-то не интересовали – ни белые ночи Ленинграда, ни лесные просторы ударно строящейся Байкало-Амурской магистрали. Понимание того, что его мечта неосуществима именно из-за политического устройства страны, сделало его настоящим врагом системы, но врагом тихим, пассивным. Он начал слушать Би-Би-Си на английском и Голос Америки на русском, но интересовали его не диссиденты и преступления режима, а то, что реально происходит в мире и как люди живут за границей. Бороться он ни с кем не собирался, зато твердо решил бежать из этой страны, бежать любым путем, любым способом. Проблема, однако, была в том, что ни путей, ни способов побега не существовало – каждый из многих тысяч километров советской границы охранялся истово и охранялся в основном от пересечения изнутри. Целые области были объявлены погранзоной, в некоторых местах ширина этой запретной зоны доходила до двухсот километров – даже приблизиться к контрольно-следовой полосе было немыслимо. Нечего было и думать о пересечении сухопутной границы – этот вариант пришлось отбросить. Между тем отзвенел последний звонок и школа закончилась.

– Слушай, он летит в Ригу, – звонила Владу растерянная мать, – поступать в какой-то авиационный институт.

– Действительно странно, – опешил дядя, – не помню за ним никакой тяги к небу...

– Влад! Надо его отговорить. Пусть идет в наш.

– Я попробую.

Но в «наш» – единственный в Зеленограде ВУЗ – Институт Электронной Техники, Димка документы не сдал, а полетел в Латвию, хотя и сам оценивал свои шансы как невеликие. Вскоре после провальной попытки поступить в Рижский институт инженеров авиации, в почтовом ящике обнаружилась повестка в военкомат. Мечтатель отнёсся к этому спокойно и решил проситься служить в погранвойсках. Ночь за ночью его преследовал один и тот же сон где он, швырнув в сторону автомат и фуражку, резво бежит через вспаханную КСП – контрольно следовую полосу прочь от страны советов. Поборов колебания, Димка направился к своему единственному родственнику за содействием. Ведь Влад знает всех и может все – должен же у него быть блат в военкомате! Ведь это вовсе не трудно – помочь племяннику попасть на службу в погранвойска. Дядя выслушал сбивчивую просьбу, стал задавать вопросы, потом стал в упор смотреть на племянника, надолго замолчал и вдруг спрятал лицо в руках. Дима знал что дядя у него чувствителен и сентиментален, но тут испугался не на шутку. Влад же резко поднялся и, открыв финскую «стенку», достал карту СССР. Расстелив ее перед притихшим родственником он стал нервно обводить карандашом всю огромную границу, протыкая при этом бумагу.

– Вот, вот, вот и вот!!!, – зашипел он, показывая протяженность советских границ от Китая до Ледовитого океана, а воооот этот крохотный кусочек – турецкая граница. Ведь ты уже знаешь, что финны и иранцы сразу выдают перебежчиков обратно?? Знаешь??

Дима не знал, но с готовностью кивнул. Влад пальцами вырвал участок границы с Турцией и дал этот клочок бумаги Димке.

– Бери этот кусочек, прикладывай вдоль всей остальной границы и считай!

– И что это будет?, – прошептал ошеломленный племянник, – зачем это?

– А эта дробь, эта единица, разделенная на то, что ты насчитаешь и будет твой шанс, твой один из тысячи шанс, попасть именно на этот участок!

Позже, уже в армии, Димка узнал, что на турецкий участок границы СССР существует особый отбор – шансов не было вовсе!

Контрольно-следовая полоса после этого разговора ему больше никогда не снилась.

Отношение к нему Влада стало совсем иным – внимательно настороженным. Дядя, зная о детских мечтах племянника, и представить не мог, что все эти мечты живы, что Димка их не перерос не забыл, не отказался от них. Это вызывало уважение и большие опасения. Странно всё же – как сильно его тянет к перемене мест, изумлялся Влад. Сам он в восемнадцать лет ничего подобного не испытывал. Может голос балканской крови? О Димкином отце сведений было совсем чуть-чуть. Например, известно было экзотическое имя его – Джанко, но от Зеленограда венгерский коммунист Джанко, к несчастью, был бесконечно далеко. В пору пламенной комсомольской юности сестра Влада была премирована путёвкой в только-что открывшийся Международный Молодёжный лагерь «Спутник». Там и случилось Димкино зачатие. Кроме необычного имени про отца было известно что он этнический серб, но почему-то с венгерским гражданством. Говорить о нем мать категорически отказывалась, да Димка и не спрашивал никогда. Допытывался Влад, но только поначалу – пока не понял, что история эта случайная и никакого развития её ожидать не следует. Отчество новорожденному записали нейтральное – Иванович. Через много лет Влад по каким-то каналам узнал, что Джанко жив-здоров, переехал в Югославию, где женился и наделал детей. Шустрый такой папаша, плодовитый гад – размышлял Влад, но никаких действий не предпринял – опасно, очень опасно. Сестра давным-давно остыла к комсомолу, к тому же работает на «номерном» заводе, да и во Владовой биографии родственник за границей означал немедленный конец карьеры. Ну его к черту – цыгана этого, – рассудил Влад и больше к этой теме не возвращался.

Он и сам некоторое время мечтал вырваться из СССР и даже когда-то пытался зарегистрировать брак с одной весёлой одесситкой еврейского происхождения. Кончилось всё, впрочем, ужасно – девушка рассчитывала на то, что сможет перевести этот брак по-расчету в нужное ей, правильное русло нормального брака. Владу ничего не оставалось как признаться ей в своей ориентации и это вызвало у несостоявшейся невесты такой эмоциональный взрыв, который даже немалыми деньгами погасить оказалось непросто – она уже видела себя в Бруклине с мужем-красавцем, который к тому же обязан ей своим выездом. Далее следовала провалившаяся попытка устроиться на круизное судно в Черноморском пароходстве, где он, слава богу, получил отказ на самой ранней стадии – ему доходчиво объяснили, что без залога в виде любящей супруги и пары карапузов на берегу, в загранкруиз его никто не выпустит. Постепенно, надежда вырваться из страны угасала, а на смену ей пришли затяжные депрессии, а через несколько лет Влад уже и не был уверен – хочет ли он уехать? Он, не вполне легально, но относительно безопасно, зарабатывал громадные по меркам советского обывателя деньги, быт его был устроен и налажен, но именно с умершей мечты началось, незаметное со стороны, расстройство его психики. Впрочем, помощь и участие в жизни немногих родственников отвлекала Влада, придавала его жизни особый смысл.

Сестра его разрывалась между работой и врачами и дядя решил серьёзно поговорить с племянником. Вопросов он задавать не стал – очень боялся толкнуть пацана к прямой лжи, что было бы болезненно для обоих, а просто попросил выслушать.

– Видишь ли, в твоём желании свалить нет ничего необыкновенного. Тысячи мечтают об этом, многие попытались и теперь гниют по зонам, и лишь единицам это удалось. Единицам.

И ничто не говорит за то, что ты попадешь в их число. Мой тебе совет – не дёргайся! Загубишь, сломаешь себе жизнь.

– Так ведь это вовсе и не моя жизнь получается..., – с тоской отвечал племянник.

– Мы все тут живём не своей жизнью – научись уже принимать реальность!

– Так что ж тогда делать-то мне?, – совсем уже еле слышно прошептал Димка.

– Живи. Не делай резких движений и живи со своей мечтой. Я тебе так скажу – без мечты совсем херово. Сходи в эту свою армию и будем искать варианты уехать легально. Надо жениться на еврейке. Поедешь в Бобруйск или в Черновцы – оттуда выпускают на «ура», – неубедительно говорил дядя, но Димка его не слушал. В восемнадцать лет два года кажутся вечностью, а ему очень хотелось сбежать немедленно.

– Чего ж ты сам-то тогда не уехал?, – простодушно поинтересовался он.

Ответить на этот вопрос невозможно – не рассказывать же подростку о своих поражениях на этом пути, о том, что родной дядя является информатором КГБ, о том, что его, поневоле знакомого с методами работы этой организации, теперь вообще никто и никогда из страны не выпустит.

– Так я как-то и не хотел..., – вновь соврал Влад, тяжело вздохнул и отвернулся.

А Димка ушел в армию.

Мартин

Мчится на юг по автобану Е7 коричневый Мерседес. Гельмут Рюб, старший инженер Siemens AF везет своего сына в аэропорт Франкфурта-на-Майне и мучительно пытается начать разговор.

– Ну зачем же ты открываешь уже четвертую банку пива?, – хочет он сказать Мартину, но, понимая что это закончится очередным скандалом, Рюб молчит. Молчит и младшая – она напросилась проводить брата, сидит тихо на заднем сиденье и ужасно жалеет что поехала: эти двое всё время ругаются. Вообще-то, если честно, то она рассчитывала доехать до Касселя и остаться у подружки с тем, чтобы папа ее подобрал на обратном пути, но теперь ей и заговорить об этом страшно – такое тут висит безмолвное напряжение. Впереди появляются первые указатели на Кассель – ровно полдороги от дома Рюбов в Брауншвайге до Франкфурта и маленькая Эмма решает:

– Папа. Ты должен завезти меня к Стелле.

– А ты что с ней созванивалась?

– Да. Вчера и сегодня. Она меня ждет.

Папа неожиданно соглашается – он ещё надеется на разговор с сыном и лучше если это произойдёт без младшей.

Через десять минут мерседес, зашуршав гравием, остановился у большого красного дома с острой крышей.

– Мы провожаем Мартина в Советский Союз!, – закричала Эмма своей подружке. Стелла с мамой подошли к машине, но Мартин не смог подняться – он уже был пьян.

– И ты даже не обнимешь сестрёнку?, – с нарастающим раздражением спросил отец.

– Я обниму её когда вернусь, – нашелся Мартин и помахал рукой. Девочки побежали в дом.

– Через пять часов!, – крикнул старший Рюб, – я заберу ее через пять часов.

Всю оставшуюся дорогу отец и сын не проронили ни слова.

– Где? В какой момент и как я его потерял?, – в тысячный раз думал Рюб и не находил ответа. Мартин рос нормальным, немного замкнутым парнем. Увлекался механикой, но не той что требует чертежей и аналитического мышления – ему нравилась видимая и понятная механика. В Брауншвайге есть прекрасный Технологический Университет, но Мартин учиться не стал, а предпочел уехать в Вольфсбург, где начал работать наладчиком конвейерных линий в концерне Фольксваген. Отец пару раз навещал его и остался очень доволен – сын и ещё трое парней снимали большой дом, где каждый имел свою комнату с удобствами. Жили дружно, по вечерам пили пиво в большой гостиной, смотрели телевизор или шли бродить по Порше Штрассе, недавно переделанную в пешеходную зону. Но ничего не длится долго когда тебе двадцать лет и вскоре на место уволившихся одного за другим приятелей въехали двое рабочих-итальянцев значительно старше Мартина по возрасту. В доме стало скучновато, монотонная работа тоже не радовала. Вечерами Мартин все чаще наливался пивом в одиночку. Сам ли он ушел из Фольксвагена, или же был уволен – неизвестно, но к Рождеству 1980го года он вернулся домой и, по протекции отца, был принят наладчиком в Siemens AF. В Брауншвайге за близость к границе с Восточным Блоком правительство платило неплохую надбавку и Мартин ничего не потерял в деньгах, но вот характер его окончательно испортился – он стал замкнут, в разговорах язвительен и только младшая сестренка могла найти с ним общий язык. Женщин он избегал, считая что большие залысины делают его непривлекательным в их глазах.

– Вот это всё, что я от тебя унаследовал, – сказал он как-то отцу, глядя в зеркало на свои редкие волосы.

Летом 1981го завод получил заказ на установку конвейерной линии в СССР и Мартин неожиданно согласился на длительную командировку в город Свердловск, о котором раньше никогда и не слышал. Впрочем, вскоре передумал и ...передумал вновь, решив-таки лететь в эту огромную и странную страну, где 36 лет назад был убит отец его отца.

– Вы едете в Советский Союз работать. Зарабатывать деньги. Не пытайтесь играть Джеймсов Бондов, не задавайте русским вопросов, выходящих из темы вашего пребывания в их стране, – говорил представитель Федеральной разведывательной службы (БНД) Германии и продолжил, – самое главное это не дать себя скомпрометировать, не попасть в капкан КГБ. Практика показывает, что это легко достигается концентрацией внимания на работе и лимитированием всех контактов с советскими гражданами. Позволю себе повториться что развитие дружбы между народами СССР и ФРГ не является вашей задачей – оставьте это артистам, музыкантам, писателям и дипломатам! Если все же кто-либо из вас окажется в плохой ситуации, когда советские власти будут предлагать вам сотрудничество – мы хотим об этом знать! Помните – Федеральное Правительство Германии всегда на вашей стороне и будет бороться до конца, безотносительно того была ли компрометирующая ситуация искусственно спровоцирована КГБ, или же вы ее создали сами, по своей вине. Но мы должны об этом знать! Мы просто обязаны это знать!

В Шереметьево бригаду встретил угрюмый господин Лемке из Посольства ФРГ. Он пожал каждому руку и раздал всем карточки с телефонами дипмиссии. На обороте карточек стоял маленький штамп с двумя московскими телефонами самого Лемке – прямым рабочим и домашним.

– Звоните мне в любое время, если того потребует ситуация, но только не по производственным вопросам – я в этом ничего не смыслю!, – объявил он, подмигнув, и инженеры понимающе засмеялись. В Свердловск, однако, Лемке не полетел, хотя и оставался в Шереметьево до конца пересадки группы на рейс до аэропорта Кольцово. Уже довольно давно он был, что называется в официальной терминологии КГБ «установленный разведчик». Этот негласный титул присваивается работникам посольств и дипломатам после тщательного изучения их деятельности. Списки установленных разведчиков ждут своего часа – до осложнения отношений, либо какого-нибудь международного скандала. Тогда «установленные» разом высылаются. Лемке же пока такое не грозит – отношения с ФРГ хорошие, вот и новенький аэропорт этот построен западными немцами. По слухам, циркулирующим в шпионских кругах, существует негласная рекомендация Андропова не усердствовать с высылкой «установленных». В этом есть своя логика – ведь на место высланного приедет другой, про которого ещё ничего не известно, а этот уже почти родной – неплохо изучен и местами предсказуем. Тем не менее на Урал господина Лемке не пустили бы ни при каких обстоятельствах.

В Свердловском аэропорту гостей встретили две переводчицы с убогим немецким и пригласили в абсолютно новенький, пахнувший сырой резиной, автобус. Гостям объяснили, что таких автобусов два и они закреплены за группой на все время контракта. Мартин с любопытством смотрел на мелькающие за окном стройки и бесконечные кривые заборы. Через полчаса, однако, визуальное знакомство со столицей Урала пришлось прекратить – окно залепилось брызгами грязи: город в ней утопал, снега тут ждали как избавления. Группу разбили на две части – двенадцать человек поселили в гостинице Центральная, остальных на третьем и четвертом этажах гостиницы Большой Урал. Инженеры получили индивидуальные номера, наладчиков расселили в двухместные. Гостиничные номера в классификации КГБ делились на «оборудованные» и «необорудованные». Иностранцев категорически запрещалось селить в необорудованные системы контроля номера.

Соседом Мартина оказался пожилой турок из Мюнхена – иммигрант в первом поколении. Неприятно удивил более чем скромный размер комнаты. Вдоль всей стены над изголовьем

кроватей в номерах проходила декоративная деревянная панель. Панель эта, полая внутри, на самом деле являлась частью довольно сложной системы прослушки. Турок об этом не имел ни малейшего понятия – он сразу поставил на панель в ряд пять фотографий своих детей, развернул маленький коврик и стал молиться, давая Рюбу понять, что никаких общих интересов у них быть не может и, поэтому, общение лучше свести до минимума. Мартин, впрочем, интересовался не Исламом, а выпивкой и тут открылись серьёзные проблемы: алкоголь купить было почти невозможно. Впрочем, не только алкоголь – в магазинах столицы Урала было, что называется – шаром покати. Центральный Гастроном города находился прямо перед гостиницей, при этом ничего съедобного там купить было нельзя. Мартин не был стеснен в средствах, но потратить марки в Свердловске было просто невозможно. Неважно сколько марок лежит на твоём счету, если их нигде не принимают. Менять же валюту на рубли по оскорбительно низкому официальному курсу не имело никакого смысла. В Москве с её «Березками» иностранцу жить было не так тягостно, но в Свердловске не было ни одного магазина этой сети – город был, как тогда говорили, «закрытый». Впрочем, вскоре эту проблему удалось частично решить. Немцам выдали чеки Внешторга, которые принимали на четвёртом этаже магазина Пассаж в специально оборудованной закрытой секции. Ирония была в том, что выпускались эти чеки и боны для оплаты труда как раз таки советских граждан за рубежом, а не наоборот, но деваться некуда – оставить западных немцев один на один с пустыми полками свердловских магазинов было нельзя и часть зарплаты было решено выдавать чеками. Ассортимент товаров в этой закрытой секции мог вызвать шок у рядового свердловчанина – там были сырокопченые колбасы, крабы и шпроты, сыр и другие продукты длительного хранения. Тут же продавалась одежда и электроника. Рюб сразу купил две картонных коробки чешского пива и другой алкоголь.

Работа была организована в две смены и жильцы номеров почти не видели друг друга – наладчиков нарочно распределили так чтобы один работал днём, а второй в ночную смену. Кормили по специальным талонам в ресторане гостиницы – опытейшая метрдотель Жанна Матвеевна удивительным образом запомнила всех немцев в лицо и мгновенно усаживала за столик. Справедливости ради следует заметить, что отличить западного немца от коренного уральца в Свердловске 1981го года было не такой уж сложной задачей. Мартин сдружился с ресторанным барменом Сашкой и часами просиживал за стойкой, наливаясь алкоголем. Было этому бармену лет сорок, у него отсутствовала ступня правой ноги, что не мешало ему оставаться довольно заметной фигурой в городе – Сашку хорошо знали и менты, и воры, и каталы, и, безусловно, кэбэбэшники. Именно у него в баре Мартин познакомился с наигранно печальной девушкой по имени Галя, за что последняя впоследствии «забашляла» бармену стандартные пятнадцать рублей.

Грустная Галя не всегда была проституткой – себя она искренне считала жертвой первой, несчастной любви. Нежный юноша, на два года моложе рассказчицы, являлся объектом этого глубокого и чистого чувства. Но вот беда – случилось ему трагически разбиться на мотоцикле «Ява». Гале, соответственно, ничего не оставалось как покинуть родной город Ровно, где все напоминало о любимом, и уехать в Ленинград. Она рассказывала эту историю клиентам так часто, что и сама в нее почти поверила. Со многими такое случается.

В северной столице дела её пошли неплохо – она схватила разговорный финский и прилично немецкого. Снимала квартирку в Купчино напололам с фарцовщиком Мариком и уже начала откладывать кое-какие деньги, как пришла беда. Беда прилетела от товарки по цеху Лели, с которой у Грустной случился конфликт. Два цыганёнка подстерегли Галю у подъезда и сильно избили кусками арматуры. После больницы Грустная вернулась на полгода в Ровно и, отлежавшись, рванула в Москву. Однако ж пристроиться в послеолимпийской Москве оказалось почти невозможно. Путаны со всех областей и республик Союза, наслушавшись о заработках времён Олимпиады, кинулись в столицу. Найти свою нишу в этом муравейнике честной

проститутке было архитяжко. А вот для швейцаров и вышибал наступило золотое времечко. За проход в отель или валютный бар путаны легко давали десятку и уже ходили слухи, что Максимчу из гостиницы «Белград» после смены проломили голову и забрали аж 400 рублей! Эту историю охотно муссировали официанты – традиционные ненавистники швейцаров. Как бы то ни было, Галя смогла снять комнату и пыталась работать в недавно открывшейся гостинице «Космос», без особого, впрочем, успеха. Именно в «Космосе», от свердловской проститутки Буньковой, дочери крупного уральского партаппаратчика, она узнала о партии западных немцев, командированных на Урал.

– Ну, а что ты сострижешь с монтажников конвейера?, – поделилась скепсисом Грустная, – ведь там одни работяги!

– Зато здесь ты, бля, с дипломатами в брызгах шампанского!, – закатив глаза заржала на весь бар полусумасшедшая Буня, – а вчерашний бетонщик Зоран из братской Югославии??

– Тихо, сучка, не блажи! Скажи лучше – где я там жить буду?

– Найдем. Мне ж тоже домой нельзя – папа сразу в дурку положит.

Через пару дней, зябко поёживаясь и пряча носы в меховые воротнички модных коротких курточек, подруги спускались по трапу прямо под неоновые буквы «Аэропорт Кольцово».

Свердловск закрытый город

– Слушай! А давай мы тебя острижем наголо! А бриться перестанешь и отпустишь щетину. Очень интересно и романтично получится!

Голова Мартина покоится на коленях Гали – она перебирает его редкие волосы

– Sei nicht albern, – бормочет Рюб, но идея ему нравится. Ещё больше ему нравится, что Галю заботит его внешность. В разные периоды Мартин перепробовал всё – он мыл свою редкую белесую шевелюру специальными шампунями, призванными добавить объём, пытался подкрашивать, и даже втирал какую-то австралийскую мазь, но в конце концов плюнул и стал носить кепку а-ля Брайан Джонсон – новый солист его любимой группы AC/DC. Прикрытые кепкой, волосы как-то перестали его раздражать.

Влюблённые неспешно оделись и отправились на первый этаж – пора было освобождать номер чтобы не встречаться с турком. В парикмахерской при гостинице «Большой Урал» было полно народу, пахло потом и дешёвым одеколоном. На стульях вдоль стены сидели женщины в норковых шапках и держали в руках аккуратно сложенные шубы. Гале предстояло лёгкое унижение. Конечно она и сама могла побрить Мартина наголо – не бином Ньютона, но нужно знать тонкие дворцовые игры «Большого Урала». А дело в том, что парикмахерская находится внутри гостиницы, за постом ушедшего швейцара. Парикмахерская частенько становится последней соломинкой путаны, за которую та отчаянно хватается чтобы прорваться в гостиницу:

– Я на стрижку записана!, – нервно кричит проститутка швейцару, стремительно пробегающая вперед, и смиренно садится в очередь парикмахерской. Раздраженный инвалид ковыляет за ней, постоит минуту, да и вернется к входу. Он ещё не дошел обратно до своего хлебного поста, а путана уже стрелой взлетела на заветный четвертый этаж и лишь пустой стул напоминает о разыгравшейся мини-драме. Впрочем на него уже кто-то усаживается – салон в «Большом Урале» популярное место, лучшее в городе.

Галя стремительно подходит к первой освободившейся парикмахерше:

– Вон бундеса наголо постричь, – кивает она на Мартина

– Сколько?

– Пятёру.

– А тебе?

– Ничего. Потом пройти поможешь, если что.

– Ну тащи. Только говори по-немецки, а то очередь порвёт...

Через полчаса они гуляют у Оперного театра и крупные мохнатые снежинки медленно падают на свежесбритую голову монтажника Рюба.

– Scheiße, – говорит он и проводит рукой по обритой голове.

– Чистый шайзе, – подтверждает Грустная Галя и они оба смеются. Не так уж всё и плохо, если разобраться.

Вечером в баре у Сашки встретили Буню. Никакой радости от этого подруги не испытали. По приезду в Свердловск они сняли комнату у бабы Маши, сторожихи из Оперного театра, но вскоре Бунькова забухала и исчезла, а Гале пришлось платить за комнату одной. Сначала она злилась, но потом, рассчитав график дежурств хозяйки, начала приводить Мартина к себе, чтобы уж совсем не примелькаться в гостинице. Возвращения Буню в комнату она совершенно не хотела, тем более что та съехала на отечественных клиентов или, в терминологии валютных проституток, – «завонялась». Удивительным образом, истории, что она рассказывала в московском «Космосе» про номенклатурного папу, оказались чистой правдой. Бунькова действительно была единственной дочерью зав отделом Свердловского обкома партии, росла в огромной квартире не зная ни в чем нужды, но на беду влюбилась в тренера по плаванию, к которому ходила заниматься. Тренер был очень весёлым и очень ушлым в сексе, Буня летала на седь-

мом небе. Ей хотелось всему миру рассказать и всем-всем похвастаться своим Асланчиком. В большой обкомовской квартире на улице маршала Жукова царила паника.

– А нельзя ли его ...убить?, – каким-то сиплым шопотом спросил Буньков.

– То есть как это – убить?, – растерялся Краснов – начальник УКГБ СССР по Свердловской области.

– Ну незаметно. И вывезти куда-нибудь... спрятать?, – продолжал раздавленный горем отец, трясущейся рукой наливая гостю коньяк.

Генерал резко поднялся.

– Эти времена прошли, Семён. Не говори глупостей! И вот что – у тебя есть время до понедельника. Мой совет – дай ему денег и пусть этот гандон убирается к себе в Абхазию. Иначе придется эту информацию как-то реализовывать через милицию: там уголовная статья вне зависимости от её согласия – она малолетка. Черножопый урюк конечно сгниет в тюрьме, но не раньше чем весь город обсосёт эту историю в курилках и на кухнях. Решай, Сёма – времени не осталось.

...И член бюро Обкома Буньков действительно выдал веселому абхазу денег – попросил никогда не приезжать в Свердловск. Ну не вылетать же из номенклатуры! Мыслимо ли на шестом десятке оказаться без спецполиклиники, без распределителя, без служебной машины, наконец?

А бедная Ленка с красными от бессонницы глазами кружила как раненная птица вокруг бассейна «Юность», никого не слыша и ничего не понимая...

Закончилось всё ещё хуже, чем можно было предположить – она собрала все таблетки, что нашла у своей больной нервами матери, и, запив их десертным сладким вином, легла спать. Через три дня в палате 36й Горбольницы раздался резкий хохот – Ленка проснулась. Впрочем, это была уже не та беззаботная школьница Ленка Бунькова. От прежней мало что осталось.

История получила ограниченную огласку, достаточную, впрочем, для увольнения Бунькова-старшего. Из номенклатуры, однако, он не вылетел – многие в верхах ему сочувствовали, и в конце концов, подобрали место замдиректора крупного оборонного завода, известного в городе по номеру из повторяющихся цифр. Дочка после отравления в школу не вернулась – заблядовала и стала пропадать неделями. Перепуганный Семён Буньков оформил ей инвалидность «по голове» и стал прятать дочь в психобольнице, а затем и вовсе отправил жить к родственникам в Тирасполь, откуда Буня и сбежала в Москву. Понять что она не вполне нормальная было довольно сложно, пока Лена не начинала смеяться – тогда глаза ее закатывались и начинались судороги. В тяжелые же периоды, когда не до смеха, она функционировала вполне осознанно и сосредоточенно. Таков был Бунькин саморазрушительный парадокс. В этот вечер Лена сидела за столиком с какими-то полублатными кавказцами, прилично накидалась вином и начала путать их имена, чего южные люди не любят. Надо бы собраться, – подумала она, – отпиздят ещё, твари черножопые, и, демонстративно оставив на стуле сумочку, пошла в туалет сполоснуть щёки и лоб холодной водой. Как опытная путана, в кабак Буня брала дешёвую сумочку из кожзаменителя, внутрь которой бросала черный капроновый пакет, своего рода сумку в сумке, где обычно и хранилось всё более-менее ценное. Возвращаясь, она на автомате зарулила в бар, где и увидела свою подельницу. Рядом стоял бритый налысо незнакомый пьяный немец.

– А вот наша Галя с погонялом «Грустная»..., – начала Буня нараспев, не обращая никакого внимания на посетителей. Подошла, пританцовывая, и неожиданно провела тёплой ладонью по голове Мартина, задержав руку на шее. Мартин вздрогнул – ему вдруг стало приятно.

– Ты не ссы. Я только на полголовы ёбнутая, – успокоила его Буня и увела подругу в сторнку. Минут десять они вдохновенно, перебивая и жестикулируя, ввали друг-друге: Буня о том, что «чёрные» не хуже «фирмы» и забашляют – не жмутся, а Грустная, опасаясь воз-

вращения подруги в съемную комнату, быстро и слезливо сочинила, что хозяйка ее выгнала и паспорт не отдаёт, на что пьяная Бунькова пообещала прислать отвязанных кавказцев и тогда хозяйке не жить. На этой ноте она распрощалась и поспешила за столик, а Галя, мучившаяся месячными, поцеловала Мартина в щёку и ушла с тяжелым сердцем домой. Мартин заверил ее, что примет еще самую малость, да и пойдёт в номер спать. За подругу она не переживала – было очевидно, что та выпила и съела рублей на пятнадцать и никто её, конечно же, теперь задаром не отпустит. Плохо она знала Бунькову.

– Wo ist mein Freund?, – услышал Мартин певучий насмешливый голос в самое ухо и хитрая Буня, с черным капроновым пакетом подмышкой, вновь положила тёплую ладошку на свежевыбритую голову бундеса. Напрасно дети гор за столиком спорили – кто будет первым.

А утром начались проблемы. Собственно, проблемы у Рюба начались уже давно – уже дважды он из за сильного похмелья не смог выйти на работу, и начальница Эльза вынуждена была ставить его в вечернюю смену с турком – соседом по номеру. Это не устраивало уже турка, так как теперь они проводили вместе целые сутки, а своего соседа по номеру турок не любил и презирал. В это утро Мартин не успел избавиться от своей новой подруги до прихода соседа и тот закатил скандал – привел начальницу Эльзу и старшего инженера. На крик нехристя прибежала старшая по этажу, а вскоре на лифте поднялся директор – импозантный Валерий Эдуардович. Немцы что-то орали, Мартин отрешенно смотрел в окно, и только вышедшая из душа Бунькова была в прекрасном настроении.

– А вы в курсе, что горячая вода в вашей гостинице – ну совершенно коричневого цвета?, – заговорщически наклонилась она к директору и тот в ужасе отшатнулся.

– Прямо» неловко перед иностранцами, – добавила Буня. И пошла себе вниз.

Золотой век

И наступило лучшее время в жизни. Золотой век. Никогда ещё Димка не был так безоблачно счастлив. Влад, проходя утром в ванную, глядел сквозь стеклянную дверь на улыбающегося во сне племянника и вздыхал озабоченно. Происходящее вызывало у него двойственные чувства. С одной стороны, он очень хорошо, не один год знал Аньку. Знал все её взлеты и падения. Знал её проблемы и секреты. С другой стороны – это дикое безоблачное счастье, обрушившееся на его единственного родственника, обезоруживало Влада.

– Куда ж ты так торопишься?, – нарезая «Докторскую», интересовался дядя, – ты ж на смену, не на свадьбу, идёшь!

– Ты ничего не понимаешь. Я просто очень ответственный грузчик!, – отвечал Димка. Он напился Анькиной весёлой иронией и часто теперь копировал её стиль, – К тому же единственный! Вот вызову сам себя на соцсоревнование – ты ещё увидишь мой портрет на Доске Почёта!

– Да ты идиот просто.

– Ну, не без этого, – сразу соглашался племянник, доедал завтрак и бежал на метро Речной Вокзал, откуда в Шереметьево ходил служебный автобус, а Влад, улыбаясь, погружался в свою огромную коллекцию винила. Как всё же славно, что он принял племяша и посылно участвует в его жизни. Как это вообще хорошо и здорово – помогать родственнику.

С Аней Грачевой они теперь, слава Богу, работали в разные смены и исчезла необходимость вытаскивать ее из историй, в которые она все время попадала. Дважды Влад гасил за нее недостачу в марках, что было очень и очень опасно, много раз разруливал скандалы с посетителями – она иногда бывала беспричинно груба, особенно во время месячных, да и нормальную отчетность она научилась делать совсем недавно.

Аня была принята на работу буфетчицей без права работы с клиентами – она могла отпускать спиртное только официантам, но ее все время звали к иностранцам и просили что-нибудь перевести – довольно скоро она стала бармен-буфетчицей и, наконец, полноправной барменшей. Влад был единственным, кто знал ее историю. В буфетчицы Грачева попала после ИнЯза имени Мориса Тереза. На последнем курсе к наиболее успешным в языках студентам стали приглядываться кадровики КГБ – обычная история. Собеседование с ней проводил молодой чекист с романтически седыми висками, очень эрудированный. Анька была молода, весела и хамовита:

– Нет, спасибо, работа в вашей организации меня не интересует, но вот в «Шоколадницу» я бы с вами сходила!

И на несколько лет закрутился тяжелый, изматывающий роман с женатым подполковником. Любовь эта была какая-то суетная, местами унижительная и с элементами отчаяния. Математик или даже бухгалтер, подбив баланс слёз, обид и недосказанностей с редкими минутами заимствованного счастья, давно признал бы эти отношения ущербными, токсичными и совершенно невыгодными. Но выведение баланса никогда не было сильной стороной Анны и герой-любовник этим успешно пользовался. Чтобы обезопасить себя и скрыть характер их встреч, он оформил Грачеву информатором с оперативным псевдонимом «Анжела». Основной линией его работы был «Интурист» – туда он и устроил свою подругу сначала переводчицей, а затем помог продвинуться на более хлебную и престижную должность и Аня, свободно говорившая на двух европейских языках, начала карьеру буфетчицы. И, как не странно, это было пределом мечтаний поголовно всех ее однокурсниц, получавших по 125 рублей в месяц за преподавание английского или немецкого в школах.

Роман этот закончился внезапно и очень кинематографично. Они шли на встречу в одну из этих бесчисленных пустых явочных квартир и каждый нёс для другого новость. Он хотел

рассказать, что Родина отправляет его в очень длительную командировку, а с ней будет работать сотрудник по фамилии Валов, что это Шереметьево – там по другому нельзя, что ни в коем случае, даже под страхом смерти нельзя этому Валову рассказывать что у них было, что человек он опасный, но выбора нет, что...

Как именно она подала свою новость, Анька в точности не запомнила, но лицо... это перекошенное животным ужасом лицо отца её будущего ребеночка навсегда впечаталось в её памяти.

– Вылезет. Вылезет! Это обязательно вы..., – шептал он безостановочно, потеряв самообладание. Затем убежал в туалет, долго лил воду на голову. Вернулся с полотенцем на голове, такой жалкий, трясущийся...

– Ну почему, Игорь? Почему? У нас с мамой немаленькая квартира, да – двушка, но – сталинская! И потом – мне страшно, Игорь, мне страшно... Ты только подумай – сколько мы с тобой... а забеременела я только сейчас! А вдруг после аборта... боже! Какое слово-то мерзкое...

Но уболтал. Всё равно он её уболтал и уехал – исчез из Анькиной жизни, как и не было.

Надо сказать, что бар в Шереметьево не имел отношения к системе Московского общепита, а принадлежал и управлялся Всесоюзным Акционерным Обществом «Интурист». Здесь все было иначе – и необычный, пять-на-пять график смен, и постоянное обучение, и странная система наказаний. Недостача, например, должна быть компенсирована в пятикратном размере, но излишек в кассе карался ещё строже – «лишние» деньги оприходывались, а к нарушителю в обязательном порядке должно быть применено взыскание. Проверки ОБХСС были редки и всегда по наводке куратора из Комитета – ведь даже с красными корочками МВД простой обзвездник не мог пройти в зону вылета. Зато были отлично налажены внутренние проверки: плановые и внезапные – система была построена под самоконтроль. Сотрудникам ВАО «Интурист» был запрещен выезд в капстраны. Мотивация проста – зная язык и вступая в многочисленные контакты с иностранцами, работник имеет гораздо более полное представление о загранице, а частенько и знакомства – ну как такого выпустить? Этот запрет, конечно же, не касался проверенных информаторов – тех могли даже командировать за кордон по оперативной надобности. В целом работа считалась наипрестижнейшей и попасть в «Интурист» было совсем не просто. За редким исключением, практически весь персонал ВАО «Интурист» состоял в агентурной сети КГБ. Вот и информатор «Анжела» заняла место за стойкой самого крутого в СССР бара. Переданных агентов майор не любил и не доверял им, справедливо считая, что опер обязан сам найти кандидата и пройти с ним весь процесс вербовки, но тут выбирать не приходилось – валютный бар в СССР не может по-определению функционировать без оперативного прикрытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.